

ских и мордовских языках по своему синтаксическому употреблению сильно различаются. Наоборот, в прибалтийско-финских и мордовских языках *т*-овые инфинитивы имеют очень много общих функций.

Рецензент встретил в монографии только диахронические недостатки. Его критика была, кроме того, главным образом еретична с точки зрения большинства исследователей финской грамматики. Положения, которые отличаются от высказанных автором монографии, приведены для того, чтобы немного проветрить общепринятое отношение к некоторым проблемам финской грамматики.

В итоге можно констатировать, что З. М. Дубровиной написан полезный труд по вопросам синтаксиса современного финского языка.

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.3.10>

А. Е. Смиреникова, Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации А. Е. Смирениковой «Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили директор Марийского научно-исследовательского института доктор филологических наук, профессор И. С. Галкин и заведующий кафедрой мордовской филологии Мордовского государственного университета кандидат филологических наук, доцент Д. В. Цыганкин.

Диссертация посвящена исследованию одной из самых сложных и запутанных проблем языкознания вообще, не говоря уже о финно-угроведении, где она в основном до сих пор только ставилась. Не случайно поэтому в работах, в той или иной степени затрагивающих рассматриваемую проблему, нет единодушия по этому вопросу. До сего времени не выработан единый критерий определения залога как грамматической категории и в индоевропейских языках. Принцип классического языкознания, господствующий в русском языкознании, нередко полностью переносится на финно-угорские языки, за исключением венгерского и финского. К тому же, до сих пор никто не

После появления печатной монографии «Инфинитивы в финском языке» З. М. Дубровина продолжила свои исследования в этой области. Она дополнила работу многими новыми примерами и дала более обширный анализ материала. Ее новый труд «Синтаксические функции инфинитивов в современном финском литературном языке» был представлен в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, успешная защита которой состоялась 23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского государственного университета. Официальными оппонентами были доктор филологических наук П. Аристэ, К. Е. Майтинская и Н. М. Терещенко.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

дал теоретическое обоснование залоговых противопоставлений как грамматической категории в агглютинативных языках в отличие от флективных. Даже специальная конференция, посвященная этой проблеме в агглютинативных языках (1957 год, Уфа), не дала значительных результатов. Кажется, давно пришла пора покончить с существующим разнообразием в определениях залога, пора наконец решить вопрос о сущности его: является он категорией грамматической или лексико-грамматической. Существующая путаница в определении залога затрудняет преподавание языка в школах и особенно в вузах.

Поэтому монографические исследования, подобные рецензируемому, с критической оценкой предыдущих мнений на основе кропотливого изучения конкретного языкового материала весьма полезны. Они помогут нам прийти к правильному решению сложнейших языковых проблем. В этом смысле работа А. Е. Смирениковой выгодно отличается от предыдущих. Диссертация состоит из теоретического введения, трех глав и заключения. Во введении автор дает краткую историографию исследуемой проблемы не только в мордовских и финно-угорских

языках, но и в русском языкознании, подробно останавливается на теории залога.

Прекрасное знание теоретической и специальной литературы, анализ богатейшего фактического материала в сравнительном и сопоставительном с другими родственными и неродственными языками плане позволили диссертантке прийти к весьма интересному выводу о залоге как лексико-грамматической категории, в которой, по ее словам, грамматические значения тесно переплетаются с конкретным лексическим значением глагола (стр. 4). Однако далее Н. Е. Смиреникова пишет, что под залогом она понимает отношение субъекта (производителя действия) и объекта действия, выраженного глагольной формой, к подлежащему и дополнению предложения (стр. 57). Из этого определения совершенно не понятно, дано ли оно в общелингвистическом плане, как определение для нахождения или не нахождения залога в языках вообще, или же оно относится только к мордовским языкам, ибо глагольной формой объект может быть выражен только в языках с объектным спряжением. Если данное определение пригодно только для языков, в которых имеется объектное и безобъектное спряжение, то автор диссертации, очевидно, должна была оговорить это. У нее же аргументом для определения залога как лексико-грамматической категории служит лишь то, что подобного определения до сих пор еще не было, что «ни в какую грамматическую категорию глагола не включены и не описываются отношения действия, выраженного глаголом-сказуемым, и субъекта (производителя действия) к подлежащему и дополнению предложения» (стр. 56). Это не достаточный аргумент для определения грамматической категории. К тому же, из данного в работе определения, хотя оно и звучит совершенно по-новому, читателю не понятно, какое отношение субъекта и объекта (надо понимать логического) к грамматическому подлежащему и дополнению она подразумевает. Диссертантка допустила здесь смешение понятийных (логических) категорий с грамматическими.

Насколько известно, наиболее распространенное и, пожалуй, большинством языковедов признанное определение залога не смешивает логическое с грамма-

тическим, если не считать заимствования терминов «субъект» и «объект» из формальной логики. В традиционном определении, как известно, под залогом понимается грамматическая категория, выражающая отношение действия к грамматическому субъекту и объекту его, т. е. грамматическому подлежащему и дополнению в определенной глагольной форме. В зависимости от этого и различаются действительный (*плотники строят дом*) и страдательно-возвратный (*дом строится плотниками*) залого, ибо независимо от того, что в обоих случаях логическим субъектом являются *плотники*, а объектом — *дом*, залоговые противопоставления различны, так как отношение действия к грамматическому субъекту и объекту (подлежащему и дополнению), в обоих случаях выраженное определенной глагольной формой, различно. В предложении *Дом строится плотниками* страдательно-возвратное значение зависит не от отношения логического субъекта и объекта к грамматическому подлежащему и дополнению, а от отношения глагольного действия к грамматическому подлежащему и дополнению. Как в действительном, так и в возвратном (страдательно-возвратном) залоге логический субъект по отношению к действию остается действительным производителем действия, а логический объект — тем же объектом. Так может ли отношение логического субъекта и объекта к грамматическому подлежащему и дополнению изменить выражение глагольного действия к подлежащему и дополнению? Будет ли это отношение (субъекта к подлежащему) отражать грамматическую категорию залога? И, наконец, можно ли смешивать категорию грамматическую с категорией логической?

Очевидно, нет. Если мы склонны залог относить к категории лексико-грамматической, то, видимо, нет необходимости искать полного грамматического обобщения показателя залога. Поэтому нужно признать правыми тех исследователей, которые залоговые противопоставления находят во всех глаголах независимо от их переходности и непереходности. Однако и в этом случае традиционное определение залога не может быть совершенно отвергнутым, ибо залог — это прежде всего категория глагольная, а не именная, и

должен выражаться формой не имени, а глагола.

Первая глава диссертации посвящена определению переходности и непереходности глагола и анализу переходных и непереходных глаголов по отношению к категории залога. Диссертантка приходит к выводу, что переходность и непереходность глагола — это синтаксическое свойство, не относящееся к залогу; что категория залога охватывает как переходные, так и непереходные глаголы (стр. 128). Однако не совсем понятно, каким образом автор отграничивает переходность и непереходность глагола от переходного и непереходного значения его. Считает ли она переходность и непереходность относительно постоянными свойствами глагола, присущими его лексическому содержанию, а переходные и непереходные значения — способностью глагола в результате тех или иных изменений в конструкции предложения приобретать новое, временное свойство? Из сказанного на стр. 66 диссертации трудно понять мнение автора по этому вопросу: «Если по смыслу высказывания в составе предложения должен быть объект действия, то в семантике глагола будет содержаться значение переходного действия, если же по смыслу предложения объекта не предполагается, то глагол осмысливается как переходный» (здесь, видимо, явная опечатка, следует читать *непереходный*). И далее: «Следовательно, в мордовских языках глагол осмысливается как переходный потому, что существительное при этом глаголе является прямым дополнением».

Таким образом, по мнению диссертантки, переходность и непереходность глагола всецело зависят от наличия в предложении прямого дополнения, т. е. «переходность и непереходность глагола — различие синтаксическое и из этого момента, по мнению автора, нужно прежде всего исходить» (стр. 109). Здесь диссертантка явно путает переходность и непереходность с переходным и непереходным значением глагола. На стр. 125 она противоречит себе, когда пишет, что переходность и непереходность глагола в мордовских языках нельзя считать ни морфологической, ни синтаксической категорией: это относительно постоянное свойство глагола, присущее лексическому

содержанию его, а переходные и непереходные значения — это способность глагола в результате тех или иных изменений в конструкции предложения приобретать новое временное свойство.

На стр. 69 и 75 диссертантка пишет, что от значений прямого дополнения, т. е. от его семантики, зависит падеж прямого дополнения. Причем контекст и глагол, по ее мнению, роли не играют. В качестве аргумента приводятся примеры: мокш. *луван книга*, эрз. *ловнан книга* 'читаю книгу, прочитаю книгу' и мокш. *луван книгать (эса)*, эрз. *ловнан книганть (эйсэ)* 'читаю книгу (ту)'. Разве здесь форма прямого дополнения зависит от его семантики? И вообще, зависит ли от семантики слова его форма, не наоборот ли? И, наконец, для выражения определенности, как пишет об этом Т. М. Тихонова, в мордовских языках утвердился артикль¹, который свидетельствует о том, что в отношении имели, с которым артикль употребляется, в нашем сознании исключается всякий выбор. Поэтому в приведенных выше примерах форма падежа прямого дополнения зависит скорее всего не от семантики прямого дополнения, а от содержания контекста в связи с наличием определенного артикля. На стр. 118—119 диссертантка приводит примеры на образовании переходных глаголов от непереходного при помощи суффикса *-т (-д)*: *паломс* 'гореть' — *пхтамс, пултамс* 'жечь' и т. д. Верно, что этот суффикс, образуя переходные глаголы, обозначает направленность действия на определенный объект. Здесь же автор противоречит себе, говоря, что в этом смысле он (*-т (-д)*) заменяет собой во фразе прямое дополнение, так как диссертантка снова переходность глагола вопреки фактам считает категорией чисто синтаксической.

Вторая и третья главы посвящены анализу средств выражения залоговых значений в мордовских языках.

Автор диссертации слишком много внимания уделила слову *пря* 'голова' и возможным сочетаниям с ним (стр. 238—

¹ Т. М. Тихонова, К вопросу о выражении определенности и неопределенности в мордовских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1970, стр. 7.

284). По-видимому, в работе достаточно было бы остановиться лишь на тех моментах, которые связаны с возвратностью, и проследить процесс образования нового средства выражения возвратности в мордовских языках: это было бы ценно с общелингвистической точки зрения. Тем более, что автор описанию самого способа выражения возвратности при помощи слова *пря* посвятила две статьи (см. Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, Саранск 1972, стр. 79—81 и СФУ VIII 1972, стр. 181—186). Не стоило, очевидно, подробно останавливаться на происхождении и словообразовательной функции глагольных

суффиксов, так как об этом уже много написано и диссертантка по существу ничего нового не дала (стр. 117, 123, 124, 177—179).

Для сокращения объема диссертации следовало бы отказаться от описания истории изучения залогов в русском и финно-угорских языках — достаточно сгруппировать точки зрения. Нет необходимости описывать грамматики по мордовским языкам (стр. 30—37).

В целом диссертация представляет серьезное исследование, указанные недочеты ничуть не умаляют ее значения. Хочется пожелать автору, чтобы на этом она не останавливалась и опубликовала монографию для широкого круга читателей.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

Finnisch-ugrische a tergo Wörterverzeichnisse von W. Veenker

1. Verzeichnis der ungarischen Suffixe und Suffixkombinationen (=Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. N. 3), Hamburg 1968. 105 S.

2. Vogul Suffixes and Pronouns. An Index A Tergo (=Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 110), Bloomington—The Hague 1969. 65 S.

3. Rückläufiges Wörterbuch der vogulischen Schriftsprache (=Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 4), Wiesbaden 1971. 94 S.

Die sog. rückläufigen Wörterbücher sind solche Wortsammlungen, in denen der Wortschatz in alphabetischer Reihenfolge a tergo angeordnet ist. Obwohl Wörterbücher dieser Art auch im letzten Jahrhundert nicht unbekannt waren, wurde ihr Nutzen für die Linguistik erst später erkannt. Seit den fünfziger Jahren häufen sich die Editionen dieser Wörterbücher für alle möglichen Sprachen. Es ist sogar keine Übertreibung zu sagen, daß die a tergo Wörterbücher bzw. Wortlisten heutzutage Mode geworden sind. Für die Untersuchung der morphologischen Struktur der Wörter und Suffixe, für die der Wortbildung und Komposition bzw. der Suffigierung überhaupt und für die Feststellung der Häufigkeit der jeweiligen Suffixe sind a tergo Wörterbücher eigentlich die besten Hilfsmittel. Sie helfen ferner dem Etymologen, dem Forscher der Sprachtypologie, dem Lehrer beim Sprachunterricht und dem Studenten beim Erlernen fremder Sprachen. Sie sind auch bei der maschinellen Bearbeitung sprachlicher Informationen sehr nützlich.

Angesichts dessen, daß a tergo Wörterbücher gerade bei agglutinierenden Sprachen sehr nützliche Hilfsmittel sein können, sind Wörterbücher und Verzeichnisse dieser Art in der Finnougristik bzw. Uralistik sehr zu begrüßen. Auf diesem Gebiet hat W. Veenker, Verfasser der drei zu rezensierenden Arbeiten, große Verdienste. Wie dem Geleitwort von Gy. Décsy zum Verzeichnis der ungarischen Suffixe und Suffixkombinationen zu entnehmen ist, wird unter der Leitung von W. Veenker im Finnisch-ugrischen Seminar der Universität Hamburg an einem Programm gearbeitet, nach dem rückläufige Suffixindizes für die finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen erarbeitet und veröffentlicht werden. W. Veenker hat die drei Suffixindizes, von denen im folgenden kurz referiert wird, im Rahmen dieses Programms zusammengestellt und herausgegeben.

Das «Verzeichnis der ungarischen Suffixe und Suffixkombinationen» besteht aus einem Geleitwort von Gy. Décsy (S. 4), einem Vorwort (S. 7—12), einer Biblio-